

Социолингвистическая ситуация в селе Урмия

И. В. Саркисов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург);
vanya.sarkisov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена описанию социолингвистической ситуации в селе Урмия — единственном населенном пункте России, где большинство жителей составляют ассирийцы. Приводимые данные были собраны во время двух экспедиций в Урмию в 2019 и 2021 годах. В ходе исследования было установлено, что в Урмии проживает несколько диалектных групп ассирийцев (урмийцы, так называемые шапытная, нудызная и лёвыная), большинство из которых составляют урмийцы, подразделяющиеся на потомков первопоселенцев и переселенцев из Армении и Грузии 90-х годов XX века, при этом все новоарамейские диалекты в Урмии функционируют как бесписьменные.

Ключевые слова: ассирийцы, новоарамейские языки, Урмия, социолингвистика.

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований: «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России» (грант № 20-012-00312).

The sociolinguistic landscape in the village of Urmia

Ivan V. Sarkisov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); vanya.sarkisov@gmail.com

Abstract. The article describes the sociolinguistic landscape in the village of Urmia (Krasnodar Krai, Russia). Urmia is the only settlement in Russia with the majority of the population represented by ethnic Assyrians (Christian speakers of Neo-Aramaic dialects). The sociolinguistic diversity among the Assyrians displays a wealth of various dialects, multilingualism and diglossia (the use of the so-called Classical Syriac as a language of religion, literature and culture) and makes the village a fascinating venue for linguistic studies. Unfortunately, until recently, researchers have failed to address the sociolinguistic problems of Neo-Aramaic languages in Russia. The present study is based on materials collected during two field trips to Urmia in 2019 and 2021. Our findings show Urmia to be a home for four ethno-dialect groups of Assyrians: Urmi (67%), the so-called Shapətnaya (20.7%), Nudəznaya (8.5%) and Lewənyaya (1.2%). The group of Urmi-speaking Assyrians can be further subdivided into i) descendants of the Assyrians who arrived to Urmia around the time of its foundation in 1924, and ii) migrants from Armenia and Georgia who moved to the village in the 1990s. Among the Shapətnaya and Nudəznaya (ethno-dialect groups originating from the Hakkari mountain region in modern Turkey who moved to Russia following the genocide against Assyrians in the Ottoman Empire), there is a group originating from the town of Khanlar in the Azerbaijan SSR whose ancestors used to share residence with the local German diaspora to be later forcedly relocated to Siberia by the Soviet government. The majority of the Neo-Aramaic speakers are older than 30. We could find only six speakers born after 2000 who, however, do not even distinguish between the different Neo-Aramaic dialects and only refer to their idiom as *lišana sureta* ('Assyrian languages'). None of the interviewed speakers understands the Classical Syriac language and only very few of them know the Syriac alphabet which is never practically used in Urmia. At the same time, Urmia residents sometimes resort to the Russian script for writing in Neo-Aramaic dialects.

Keywords: Assyrians, Neo-Aramaic languages, Urmia, sociolinguistics.

Acknowledgments. This study has been done as a part of the project supported by Russian foundation for basic research "Documentation of Northeastern Neo-Aramaic dialects of Russia" (grant № 20-012-00312).

1. Введение

Настоящая работа посвящена описанию социолингвистической ситуации в селе Урмия Курганинского района Краснодарского

края, а также распределению и особенностям бытования в нем новоарамейских идиомов. Село Урмия примечательно как единственный населенный пункт на территории Российской Федерации, где большинство населения составляют этнические ассирийцы, то есть народ, говорящий на северо-восточных новоарамейских языках.

Социолингвистические аспекты бытования северо-восточных новоарамейских языков представляют огромный интерес для науки, поскольку всегда отличались сложностью и разнообразием и были тесно переплетены с особенностями истории, культуры и религиозной жизни ассирийцев и Ближнего Востока в целом. Это определяется прежде всего тем, что исторически многие ассирийцы владели несколькими новоарамейскими диалектами, географическое распределение которых иногда менялось неожиданным образом в результате миграций, а также рядом языков соседних народов.

Между тем данные вопросы изучены явно недостаточно, а какие-либо работы, специально посвященные социолингвистической ситуации среди ассирийцев России, нам неизвестны. В этих условиях настоящее исследование ставит перед собой задачу сделать первый шаг в изучении этой проблемы применительно к селу Урмия — единственному населенному пункту в России, где ассирийцы составляют большинство населения, что делает его наиболее важным местом для арамеистических исследований на территории страны.

2. Новоарамейские языки и ассирийцы

Ассирийцами принято называть тех из носителей северо-восточных новоарамейских языков, которые исторически принадлежат к обособившейся в 431 году в результате Третьего Вселенского собора Ассирийской церкви Востока [Talay 2008: 5] и ее ответвлениям (например, Халдейской католической церкви) [Baum, Winkler 2003: 21–25]. Иногда термин ассирийцы может применяться шире

и распространяться на всех арамеоязычных христиан, включая и народ туройо, принадлежащий к Сиро-яковитской церкви¹.

Новоарамейскими языками называют арамейские языки, возникшие после арабского завоевания, произошедшего в VII веке, в исторической перспективе они противопоставляются старо- и среднеарамейским [Лёзов 2009а: 453]. Они представляют собой особую общность в центральносемитском кластере западной ветви семитских языков, которые, в свою очередь, относятся к афразийской языковой семье. Арамейские языки (как старо- и средне-, так и новоарамейские) делятся на западные и восточные. В восточноарамейской ветви из живых языков выделяются четко обособленные туройо, млахсо (близок к туройо и объединяется с ним в центральную ветвь) и новомандейский, а также северо-восточные новоарамейские языки, представляющие собой обширный кластер разнообразных идиомов со сложной внутренней классификацией, степень расхождения между которыми варьируется от разницы лишь в названии до невозможности взаимопонимания между носителями [Лявданский 2009: 663]. На северо-восточных новоарамейских языках исторически говорили христиане Ассирийской церкви Востока и ее ответвлений, которых, как уже было сказано, называют ассирийцами, а также евреи. Названия данных идиомов обычно происходят от региона или населенного пункта, где они употреблялись, причем христиане-ассирийцы и евреи, проживавшие в одной местности, обычно говорили на разных наречиях. По этой причине ряд северо-восточных новоарамейских языков и диалектов имеет двойное название, отражающее религию и историческое место проживания их носителей (например, христианский урмийский или еврейский урмийский). К числу христианских (а в настоящей работе речь пойдет только о них) северо-восточных

¹ Догматические расхождения между диафизитскими церквями (католической и православными), миафизитскими (в том числе Сиро-Яковитской) и Ассирийской церковью Востока, которая часто именуется несторианской, хотя сама не признаёт корректности этого термина, заключаются в различии взглядов на сочетание во Христе божественной и человеческой природы, что имеет для христианского богословия принципиально важное значение.

новоарамейских идиомов относятся, в частности, христианский урмийский (урмиджная²) и сложившаяся на его основе литературная норма, часто называемая современным ассирийским или просто ассирийским языком (не следует путать с ныне мертвым языком древних ассирийцев, относившимся к восточноеврейским языкам), барвар, тхума, мар-бишу (шапытная), джилу (джильве), тал, тель-кепе, ботан (ботэ), ванский и близкий или идентичный ему нудызная, а также многие другие [Лявданский 2009: 668].

Исторической родиной ассирийцев является обширная территория на Ближнем Востоке, в настоящее время входящая в состав Турции, Ирака (в первую очередь Иракского Курдистана), Ирана и Сирии, где они жили смешанно с курдами, армянами и предками современных азербайджанцев. В результате миграций, имевших место в XIX веке (в том числе вследствие Русско-персидских войн), образовались ассирийские диаспоры в Закавказье, на территории нынешних Армении и Грузии. Они стали отправной точкой дальнейших миграций ассирийцев по Российской империи — на юг России (в том числе на Кубань, где в 1924 году и было основано село Урмия) и территорию современного Азербайджана. В результате же геноцида ассирийцев, организованного в 1915 году властями Османской империи наряду с геноцидом армян и греков, большая часть народа была вынуждена покинуть свои земли и расселиться в странах Европы (в том числе в России), Америки и Австралии [Лявданский 2009: 664]. В настоящее время количество говорящих на новоарамейских языках, из которых большинство составляют ассирийцы, по разным оценкам насчитывает от 600 тысяч до полутора миллионов (или более) человек. Ассирийцы проживают в странах Ближнего Востока — Сирии, Ираке, Иране, Турции, а также в США, Швеции, Германии,

² Используемые здесь ассирийские названия идиомов с окончанием на *-ная* в новоарамейских языках представляют собой формы прилагательных единственного числа мужского рода. Чаще всего они применяются для обозначения представителя соответствующей этно-диалектной группы мужского пола, но могут использоваться и для названия самого диалекта, так как новоарамейское слово *lifana* — ‘язык’ относится к мужскому роду.

Нидерландах, Канаде, Австралии и странах постсоветского пространства — Армении, Грузии, Украине и России [Лявданский 2009: 663]. В России единственным населенным пунктом, в котором ассирийцы составляют большинство населения, является село Урмия в Курганинском районе Краснодарского края. Также значительное число ассирийцев проживает в самом Краснодаре и других городах и станицах региона — например, в Крымске и соседней с Урмией Новоалексеевской. Помимо этого, ассирийские диаспоры есть в Ставропольском крае (например, в селе Шишкино), Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Ростове-на-Дону и многих других городах. В Москве и Краснодаре имеются храмы Ассирийской церкви Востока.

Социолингвистическая ситуация среди ассирийцев всегда была непростой и многогранной, что изначально было обусловлено пестротой этнографической картины на их исконной родине и культурными особенностями, а позднее сложностью путей миграции. Во-первых, очень часто ассирийцы владели несколькими новоярмейскими идиомами по причине тесного общения между разными диалектными группами и обилия смешанных браков между ними. Помимо этого, языком богослужения Ассирийской церкви Востока, а до конца XIX века и основным письменным языком, а порой и лингва-франка для взаимонепонимаемых идиомов в среде ассирийцев был так называемый классический сирийский язык (один из среднеарамейских языков, также относящийся к восточной ветви арамейской общности), что создавало среди них состояние диглоссии [Лёзов 2009b: 562–565] и в то же время делало грамотность довольно элитарным знанием, доступным в первую очередь представителям духовенства. Во-вторых, ассирийцы, на протяжении практически всей своей истории проживавшие в окружении других народов, практически всегда были многоязычны и хорошо владели языками соседних этносов. На исконной территории это были курдский, армянский, иногда турецкий, в Иране — азербайджанский и персидский языки, а на территории нынешнего Ирака — часто арабский. Оказавшись в эмиграции, ассирийцы выучивали языки своих новых соседей, причем как государствообразующих (применительно к постсоветскому пространству, например, русских или

армян), так порой и малых народов (например, ассирийцы, проживавшие в районе города Ханлар Азербайджанской ССР, владели немецким языком, так как тесно контактировали с диаспорой местных немцев-колонистов). Сложные, нелинейные пути миграции, различные исторические и социальные факторы (например, практически полная потеря связей между ассирийцами Советского Союза и ассирийскими диаспорами других стран и постепенное их восстановление после распада СССР) обусловили интересные, порой неожиданные и сильно различающиеся между собой социолингвистические картины среди групп ассирийского народа, оказавшихся в различных странах и регионах.

Следует отметить, что социолингвистическая ситуация среди ассирийцев и социолингвистические вопросы, связанные с бытованием новоарамейских языков, изучены мало. Большая часть информации на этот счет содержится в соответствующих разделах грамматик различных новоарамейских идиомов, а специализированные исследования единичны. Социолингвистическая картина в ассирийских диаспорах на постсоветском пространстве изучена плохо, а ситуация в российской диаспоре никогда ранее не становилась предметом научных изысканий. В этих условиях ее изучение представляется весьма актуальной и важной задачей, особенно с учетом плохой сохранности новоарамейских идиомов на территории нашей страны. Село же Урмия, как уже отмечалось, является единственным в России населенным пунктом с преобладанием ассирийского населения и своеобразной «ассирийской столицей» России. Поэтому, разумеется, описание социолингвистической ситуации среди российских ассирийцев логичнее и информативнее начинать именно с Урмии.

3. Село Урмия и его ассирийское население

Село Урмия входит в Новоалексеевское сельское поселение Курганинского района Краснодарского края и располагается в 5 км от центра этого поселения — станицы Новоалексеевской — и примерно

в 30 км от районного центра города Курганинска. Урмия расположена посреди степи на небольшой речке Синюхе.

По доступным нам сведениям, Урмия была основана в 1924 году ассирийцами, переселившимися на Кубань из Эриванской губернии (территория нынешней Армении), в первую очередь беженцами из разоренного и уничтоженного курдами села Карханов (или Араздаян), которое также иногда именовалось Урмией. Туда ассирийцы в свою очередь попали из Ирана, из региона Урмия (так называются озеро, город и вся сопредельная территория) в Иранском Азербайджане, в честь которого Карханов и кубанская Урмия и получили свои названия. Вероятнее всего, данное переселение имело место после Русско-персидской войны 1826–1828 годов, однако Е. И. Гиваргизов утверждает, что Карханов был основан ассирийскими переселенцами после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов [Гиваргизов 2022]. Ассирийцы, основавшие кубанскую Урмию, являлись носителями христианского урмийского диалекта, исторически распространенного в Урмии в Иране и называющегося по этому региону [Khan 2016: 1–2].

К ассирийцам-урмийцам (урмиджная) из Эриванской губернии присоединились ассирийцы, бежавшие от геноцида из Османской империи, говорившие на других диалектах. Точные сведения о том, из какого населенного пункта (или, вернее, населенных пунктов) они происходили, отсутствуют. Однако очевидно, что их историческая родина находилась в горной области Хаккяри в современной Турции и что они принадлежат к горским ассирийцам. В настоящее время в Урмии их потомков и диалект таковых принято называть шапытная (о специфическом использовании в Урмии этого названия см. ниже). Урмийцы и выходцы из Хаккяри, получившие здесь название шапытная, составили основу изначального населения Урмии.

В советское время в Урмии обосновалось несколько семей ассирийцев (нудызная и шапытная), ранее живших в городе Ханлар Азербайджанской ССР, также имел место некоторый приток переселенцев из двух других республик Закавказья. А в последнее десятилетие XX века, после распада Советского Союза, в Урмию переселилось большое количество ассирийцев из Армении (преимущественно из сел Арзни и Верин Двин) и Грузии (преимущественно из городов

Тбилиси и Гардабани), подавляющее большинство которых являлось урмийцами и которые вместе со своими детьми и внуками составили около половины современного населения села. В результате этих миграций сложилась нынешняя демографическая и социолингвистическая картина, которая и стала предметом нашего исследования.

4. Методы исследования

Исследование проводилось на базе материалов, собранных в ходе двух экспедиций в Урмию в июле 2019 и в августе 2021 года. Данные собирались путем социолингвистического анкетирования с применением анкеты, уже использованной нами во время экспедиции к ассирийцам Грузии в феврале 2017 года [Саркисов 2018]. В анкете содержались вопросы о возрасте, месте рождения и местах длительного проживания информанта, его родном языке и диалекте, всех языках, которыми он владеет, и владении сирийским письмом. Также информантов просили ответить на аналогичные вопросы об их родителях и обоих дедушках и бабушках, если такое оказывалось возможным (к сожалению, ответить на последнюю часть анкеты полностью получалось редко). В ходе анкетирования мы старались охватить как можно больше людей обоих полов, различных возрастов и социальных категорий. Однако субъективные факторы (степень готовности информантов работать и ограниченность времени) наложили определенный отпечаток на процесс работы, и считать получившуюся выборку равномерно распределенной, к сожалению, не представляется возможным. Также нам удалось охватить менее одной шестой населения Урмии (95 человек из примерно 600), хотя в идеале нашей задачей было опросить если не всех, то по крайней мере большую часть ее жителей. Тем не менее, надеясь достичь этой цели в будущем, мы полагаем, что собранных анкет достаточно для того, чтобы сделать определенные выводы, верно характеризующие социолингвистическую ситуацию в селе.

За два года работы в Урмии было собрано в общей сложности 95 анкет. Среди проанкетированных лиц более или менее

постоянными жителями Урмии являются 86 человек, из них 4 — армяне, а оставшиеся 82 — ассирийцы. Степень владения языком не всегда представляется возможным определить объективно, так как тексты были записаны далеко не ото всех информантов, а ответы на вопросы не всегда дают возможность надежно судить о ней. Так, например, одна информантка назвала родным языком русский, но сказала, что в семье и с друзьями ассирийцами говорит на ассирийском и даже немного понимает классический сирийский, а другая назвала родным ассирийский, хотя элицитация по грамматическим анкетам показала, что она почти совершенно им не владеет. Однако, поскольку в данном случае основным предметом изучения была не степень сохранности языка, а количество людей, принадлежащих к той или иной диалектной группе, в качестве говорящих на диалекте мы учитывали всех, кто сам идентифицировал себя с ним, вне зависимости от того, насколько человек способен свободно изъясняться на своем языке.

Под «диалектом» понималось то, что сам информант указывал в качестве такового. С рядом информантов также проводились записи и разбор текстов и грамматическое анкетирование, позволяющие составить точное представление об их идиолекте и сравнить его с идиолектами других носителей. Однако в остальных случаях не представлялось возможным проверить степень соответствия самоидентификации информанта и реальных особенностей его идиолекта. Тем не менее у нас нет оснований подозревать здесь какие-либо разительные расхождения, за исключением того, что этноним шапытная используется в Урмии не в его традиционном значении.

5. Результаты исследования

5.1. Диалектное распределение

Диалектное распределение среди проанкетированных нами информантов представлено в *Таблице 1*.

В таблице фигурируют 4 диалекта: урмийский, шапытная, нудызная и лёвыная. Родиной урмийского диалекта, как уже отмечалось, является регион Урмия в Иране. Остальные три диалекта исторически были распространены на территории Османской империи: лёвыная в деревне Левун, или Левын [Ovsjannikova et al. 2022a: 5], нудызная, по свидетельству одного из носителей ванского диалекта, очень близкий или даже практически идентичный последнему — в местности Нудыз в Ванском вилайете к юго-востоку от озера Ван [Михайлов 2021: 329]. Что касается шапытная, то это название жителями Урмии применяется не к традиционно именуемому так диалекту мар-бишу (называется так по деревне Шапат в горной области Хакьяри в Турции, где он был исторически распространён [Ovsjannikova et al. 2022a: 1]), а к некоему другому наречию, близкому к нудызная. Объясняется это, вероятно, тем, что в Урмии этноним шапытная в какой-то момент стал применяться ко всем горным (то есть, как и мар-бишу, происходящим из горной области Хакьяри) ассирийцам [Ovsjannikova et al.: 3]. Информанты заявляют о сильной близости между шапытная и нудызная, которая, по их мнению, превосходит близость между другими распространёнными в Урмии диалектами [Ovsjannikova et al.: 3], а собранные к настоящему моменту данные об их грамматике показывают, что по большинству черт эти говоры совпадают, хотя некоторые различия все же имеются [Ovsjannikova et al. 2022a: 6; Ovsjannikova et al. 2022b: 6]. На данный момент идиом нудызная изучен мало (некоторые его черты описываются в сопоставлении с шапытная в тех же работах [Ovsjannikova et al. 2022a] и [Ovsjannikova et al. 2022b]), также имела место попытка краткого описания фонетики и некоторых аспектов морфологии ванского диалекта [Саркисов 2017]), а лёвыная не описан вовсе. По этой причине мы не можем с полной уверенностью говорить о степени расхождения между идиомами шапытная, нудызная и лёвыная и о том, следует ли их рассматривать как разные диалекты или как подварианты одного диалекта, и оставляем этот вопрос за рамками настоящей работы, приводя в таблицах названия диалектов, указанные самими информантами.

Таблица 1. Диалектное распределение среди проанкетированных ассирийцев Урмии без учета происхождения говорящих

Table 1. Distribution of the dialects among questioned Assyrians of Urmia without taking into account place of their birth

Диалект	Число говорящих	Процент
Урмийский	57	69,5 %
Шапытная	17	20,7 %
Нудызная	7	8,5 %
Лёвыная	1	1,2 %

Диалектное распределение среди проанкетированных ассирийцев Урмии вне зависимости от места происхождения говорящих представлено в *Таблице 1*. Многие опрошенные утверждали, что в той или иной степени владеют несколькими диалектами или по крайней мере понимают их (чаще это заявляли шапытная относительно урмийского), однако в качестве родного обычно называли только один. На основе данных, представленных в *Таблице 1*, мы можем заключить, что урмийцы составляют около 70 % ассирийцев Урмии, то есть явное большинство, более чем в три раза превосходя занимающих второе место шапытная.

Однако, как уже отмечалось, ассирийцы Урмии даже внутри одной диалектной группы могут быть неоднородны по своему происхождению. Около половины ассирийского населения села составляют переселенцы 90-х годов XX века из Армении и Грузии и их потомки, среди которых, в свою очередь, подавляющее большинство составляют урмийцы. Соответственно, среди ассирийцев-урмийцев Урмии можно относительно четко выделить две категории: «старожилов», наряду с шапытная появившихся в селе в момент его основания, и переселенцев конца XX века. Последние в свою очередь распадаются на переселенцев из Армении и переселенцев из Грузии. Длительное проживание в различных регионах и использование в качестве основного второго или даже первого разных языков (у старожилов Урмии — русского, у переселенцев из Армении и Грузии — соответственно армянского и грузинского) вполне могло наложить на идиолекты

носителей значимый отпечаток или даже привести к распаду диалектов на новые идиомы. По данной причине с социолингвистической точки зрения эти группы важно разделять. Помимо этого, не следует забывать и о детях переселенцев из Армении и Грузии, родившихся уже в Урмии, которых также целесообразно выделить в отдельную категорию («новый урмийский»), поскольку их невозможно, не нарушая логики, отнести ни к одной из трех перечисленных групп.

Диалектное распределение среди ассирийцев Урмии с учетом разделения урмийцев на описанные выше четыре категории представлено в *Таблице 2*.

Таблица 2. Диалектное распределение среди опрошенных ассирийцев Урмии с учетом разделения урмийцев на подгруппы

Table 2. Distribution of the dialects among questioned Assyrians of Urmia in accordance with place of their birth

Диалект	Число «говорящих»	Процент
«Старый» урмийский	19	23,2 %
«Грузинский» урмийский	15	18,3 %
«Армянский» урмийский	14	17,1 %
«Новый» урмийский	9	11 %
Шапытная	17	20,7 %
Нудызная	7	8,5 %
Лёвыная	1	1,2 %

Таким образом, с учетом потенциального поддиалектного членения, обусловленного происхождением и местом рождения, крупнейшей группой среди ассирийцев Урмии являются «старые урмийцы» (23 %), за ними идут шапытная (21 %) и грузинские и армянские урмийцы (18 % и 17 % соответственно).

Что касается статистического распределения по месту происхождения говорящих внутри каждой из диалектных групп, то сколько-нибудь репрезентативная выборка у нас имеется только для урмийского диалекта, данные по которому представлены в *Таблице 3*.

Таблица 3. Распределение по происхождению среди урмийцев

Table 3. Distribution by the place of birth between speakers of Urmi dialect

Поддиалект	Число	Процент от общего числа
«Старый» урмийский	19	33,3 %
Грузинский урмийский	15	26,3 %
Армянский урмийский	14	24,7 %
«Новый» урмийский	9	15,8 %

Из этих данных мы можем заключить, что среди говорящих на нем жителей Урмии преобладают старожилы, за ними идут грузинские, потом армянские урмийцы, а на последнем месте оказываются дети переселенцев из Армении и Грузии, родившиеся в Урмии. Однако различие между долей первых, вторых и третьих незначительное.

Носители диалектов шапытная и нудызная также неоднородны по своему происхождению, как это показано соответственно в *Таблице 4* и *Таблице 5*. Среди них встречаются люди, родившиеся как в Урмии, так и за ее пределами: в первую очередь в Азербайджанской ССР — в городе Ханлар (ныне Гёйгёль, центр Гёйгёльского района Азербайджана) и поселке Ленинкенд (ныне Чинарлы в Шамкирском районе), а также в Грузинской ССР (Гардабани), Краснодаре и Майкопе. Из *Таблицы 4* мы можем сделать вывод, что среди шапытная Урмии, так же, как и среди носителей урмийского диалекта, преобладают потомки старожиллов, обосновавшихся здесь с момента основания села. Среди нудызная, согласно *Таблице 5*, ситуация обратная и на первом месте находятся выходцы из Азербайджанской ССР, однако слишком маленькое общее количество представителей этой группы лишает нас возможности считать такую статистику достаточно объективной.

Единственная жительница Урмии, относящая себя к группе лёвыная, родилась в Урмии, равно как и ее мать, бывшая носительницей этого диалекта, в отличие от отца, говорившего на шапытная. Следовательно, ее также необходимо отнести к старожилам Урмии.

На основе этого мы можем заключить, что суммарное количество опрошенных нами потомков давних (с момента основания и близкого к нему времени) жителей Урмии, говорящих на всех зафиксированных диалектах — урмийском, шапытная, нудызная и лёвыная, среди опрошенных ассирийцев составляет 32 человека (39 % от всех опрошенных). Суммарное же количество потомков первопоселенцев и детей переселенцев из Грузии и Армении, родившихся после переселения, — то есть всех лиц, для которых Урмия является местом их рождения, составляет 41 (ровно 50 %). Соответственно, общее число опрошенных ассирийцев, родившихся за пределами Урмии, также составляет ровно половину (41 человек).

Таблица 4. Распределение по происхождению среди шапытная

Table 4. Distribution by the place of birth between speakers of Shapətnaya dialect

Регион происхождения	Число	Процент от общего числа
Урмия	10	58,8 %
Ханлар	4	23,5 %
Гардабани	2	11,8 %
Майкоп / Казахстан	1	5,9 %

Таблица 5. Распределение по происхождению среди нудызная

Table 5. Distribution by the place of birth between speakers of Nudəznaya dialect

Регион происхождения	Число	Процент от общего числа
Ханлар и Ленинкенд	4	57,1 %
Урмия	2	28,6 %
Краснодар	1	14,3 %

Говоря о группах переселенцев, помимо уже упомянутых носителей урмийского диалекта, переселившихся из Армении и Грузии, следует особо отметить выходцев из Азербайджанской ССР. Там, в районе города Еленендорф, переименованного в 1936 году в Ханлар (ныне Гёйгёль), в период между бегством ассирийцев

от геноцида в Турции и окончанием Второй мировой войны существовала крупная община выходцев из областей Ван, Нудыз и Ботан [Teule, Kessel 2012: 46], представители которой «работали в хозяйствах закавказских немцев, составлявших значительную часть местного населения» [Саркисов 2017: 3]. Очевидно, вместе с ними там проживало и некоторое количество представителей группы, в Урмии получившей название шапытная. В 1949 году ханларские ассирийцы были депортированы в Томскую область [Вартанов 2001: 83], что нанесло сильный удар по сохранности национального языка и культуры, а когда в 1956 году им было позволено покинуть место вынужденного проживания [Вартанов 2001: 83], далеко не все предпочли вернуться в Ханлар, и некоторые разъехались по разным частям Советского Союза, в том числе и в Урмию. Сведения об отличительных особенностях идиолектов носителей идиомов шапытная и нудызная, переселившихся из Ханлара, к настоящему моменту не собраны.

Интересно отметить, что, согласно заявлениям информантов, исторически урмийцы и выходцы из Турции селились преимущественно в разных концах Урмии. Нами был подмечен факт, который можно интерпретировать как следствие данной тенденции. В Урмии, состоящей из трех основных улиц — Магистральной, Почтовой и Заречной, — на расположенной в середине Почтовой улице 11 из 15 домов, где проживают семьи, говорящие на шапытная или нудызная, расположены по одну (юго-восточную) сторону от ее пересечения с переулком, разделяющим село примерно пополам. Следовательно, на Почтовой улице шапытная и нудызная сосредоточены в одном конце села, что, вероятнее всего, не является случайностью. Одновременно с этим мы подметили, что 8 из 13 известных нам домов (то есть больше половины), в которых проживают ассирийцы, переехавшие из Грузии, находятся на Магистральной улице (не обнаруживая зависимости от расположения относительно упомянутого переулка), что может свидетельствовать об их тенденции селиться именно там. Если данная гипотеза верна, то в Урмии обнаруживаются сразу два топографических распределения социодialeктных групп, не связанных между собой: одно из них противопоставляет

друг другу две половины села (расселение потомков выходцев из Османской империи), а другое — одну из трех основных улиц (Магистральную) двум другим (расселение выходцев из Грузии). Это вполне может объясняться тем фактом, что заселение Урмии происходило несколькими волнами и каждая волна переселенцев могла иметь свои собственные тенденции в вопросе расселения. Носители урмийского диалекта, являющиеся потомками «первопоселенцев», в отличие от упомянутых групп, встречаются во всех частях села, что согласуется с тем фактом, что они являются крупнейшей подгруппой его обитателей.

Обобщая все приведенные выше сведения, мы можем заключить, что социологические данные подтверждают согласующуюся с историческими фактами информацию о том, что ассирийское население Урмии является весьма неоднородным. Это дает основания предполагать, что, во-первых, в селе, помимо уже зафиксированных диалектов, разошедшихся еще во время проживания ассирийцев на исторической родине (урмийского, шапытная, нудызная и лёвыная) могут присутствовать их различные варианты, обособившиеся позднее, в результате длительного проживания групп носителей одного диалекта отдельно друга от друга (как, например, урмийцев Урмии, Грузии и Армении). Во-вторых, есть основания предполагать, что среди ассирийцев Урмии исторически разные диалекты вследствие длительного взаимодействия могли начать приобретать какие-либо общие черты, что создает предпосылки для формирования особого местного идиома.

К сожалению, на данный момент эти соображения остаются всего лишь гипотезами. Однако в ходе других исследований мы наблюдали некоторые различия в идиолектах носителей урмийского диалекта, происходящих из разных мест (например, в столь специфическом аспекте грамматики, как дифференцированное маркирование объекта, нами было четко зафиксировано отличие в идиолектах информантов из Армении и Грузии [Саркисов 2016: 43–52]). Это свидетельствует в пользу перспективности выдвинутых гипотез и подчеркивает необходимость их проверки в ходе дальнейших исследований.

5.2. Особенности бытования языка

Согласно опросам информантов и нашим наблюдениям, новоарамейские диалекты используются в Урмии носителями старшего поколения для устного общения в семье и со знакомыми-ассирийцами. Определить степень владения национальным языком представлялось возможным далеко не всегда, так как, во-первых, со многими информантами, от которых были собраны социолингвистические анкеты, не проводилось грамматических исследований, а во-вторых, четкие критерии ее оценки еще не разработаны. Однако из 28 человек, для которых степень владения языком была охарактеризована, у 8 (28,6 %) она была описана как отличная, у 7 (25 %) — как хорошая, у 10 (35,7 %) — как удовлетворительная, а у 3 (10,7 %) — как плохая. Таким образом, доля тех, кого можно считать полноценными носителями, среди этих людей составила 53,6 %, то есть лишь около половины. При этом абсолютно все ассирийцы Урмии также хорошо владеют русским языком, выходцы из Армении — армянским, а большинство выходцев из Грузии — в той или иной степени грузинским.

Что касается передачи языка младшему поколению и деятельности по его сохранению, то в урмийской школе существует кружок по изучению стандартного литературного ассирийского языка (который, как отмечалось выше, основан на урмийском диалекте). Ранее ассирийский язык входил в число школьных предметов и изучался в начальной школе до четвертого класса. В кружке дети изучают как грамматику языка, так и сирийское письмо. В ходе нашего анкетирования было опрошено 9 жителей Урмии, родившихся в 2000 году или позднее. Среди них 6 владеют языком на достаточно хорошем уровне, для одного знание языка можно предполагать, но трудно точно проверить в силу возраста, у одного знание языка, скорее всего, оставляет желать лучшего, и еще один языком практически не владеет. По свидетельствам опрошенных, других представителей младшего поколения, владеющих языком, в Урмии нет. Следовательно, можно утверждать, что передача языка младшему поколению, несмотря на наличие школьного кружка, — явление исключительное

и новоарамейские диалекты в Урмии находятся в крайне угрожаемом состоянии.

Очень примечательно, что как минимум в трех случаях представители молодого поколения не только не могли идентифицировать свой диалект, а даже вовсе не знали названий различных диалектов и называли язык просто *lifana sureta* или *lifana sure* (дословно — ‘ассирийский язык’). Это свидетельствует о том, что по крайней мере на уровне самосознания понятие этно-диалектной группы у них полностью отсутствует, что нетипично для ассирийцев в целом и свидетельствует о потере важного элемента самоидентификации в условиях постепенного угасания традиционной культуры и выдвигания на первый план противопоставления ассирийского народа как единого целого всем остальным народам. Вопрос об особенностях идиолектов носителей младшего поколения, безусловно, представляет большой интерес, однако на данный момент нами не изучался.

Несмотря на угрожаемое положение новоарамейских диалектов в Урмии и явную тенденцию к вытеснению их русским, нами были зафиксированы случаи, когда представители иной национальности (а именно армяне) выучивали новоарамейские идиомы и употребляли их в качестве второго языка. В ходе анкетирования нами было выявлено двое армян, хорошо знающих урмийский диалект и активно использующих его (преимущественно в семье). В первом случае это обусловлено рождением в населенном ассирийцами Верин Двине (в Армении) и браком с ассирийцем, а во втором — только браком. Однако в целом текущие наблюдения не дают оснований считать, что реальное знание новоарамейских диалектов не-ассирийцами когда-либо было широко распространено в Урмии, и исключениями могут являться только люди в смешанных семьях.

Все новоарамейские диалекты в Урмии (как урмийский, на который опирается стандартная литературная норма, так и шапытная и нудызная, об использовании которых в качестве письменных идиомов свидетельств не имеется) используются исключительно для устного общения. Лишь несколько жителей Урмии заявили, что владеют сирийским письмом, при этом ни один из проанкетированных

информантов не ответил положительно на вопрос, читает ли он какие-либо тексты на ассирийском языке.

Одновременно с этим ряд информантов рассказали, что спорадически используют для записи коротких бытовых текстов (например, СМС-сообщений или записок) на родном языке кириллицу. Использование для записи новоарамейских диалектов нетрадиционных для них систем письма — кириллической, армянской и грузинской — довольно распространенное среди ассирийцев бывшего СССР явление. У ассирийцев Урмии — как старожилов, так и выходцев из Армении и Грузии — была зафиксирована только кириллица, что свидетельствует о доминировании среди них русского языка как основного второго или даже первого языка. При этом весьма примечателен факт, что разработанный в СССР в 30-е годы специально для ассирийского языка особый алфавит на латинской основе, который до обезглавливания ассирийской интеллигенции волной репрессий активно использовался наряду с сирийским письмом, забыт совершенно. Никаких попыток его возрождения как в Урмии, так и за ее пределами нами зафиксировано не было.

Также важно отметить, что ни один из ассирийцев Урмии не владеет классическим сирийским языком, который, как отмечалось, является языком богослужения Ассирийской церкви Востока (часть службы иногда проводится на нем в храме Урмии, относящемся к Русской православной церкви), а ранее также был языком культуры и литературы. Лишь некоторые информанты отмечали, что понимают его, однако это обусловлено не специальным обучением языку, а его достаточной близостью к новоарамейским. Этот факт наряду с полным отсутствием в Урмии практики употребления сирийского письма (за исключением школьного кружка, который, как показали опросы, к сожалению, мало способствует передаче языка младшему поколению) красноречиво свидетельствует о таком социально-историческом феномене, как отрыв местных ассирийцев (равно как и большей части российских ассирийцев вообще) от своей традиционной книжной и письменной культуры со всеми проистекающими отсюда следствиями (невозможность широкого использования языка в печати и отсутствие достаточных перспектив для создания

художественных произведений на языке и т. п.). Этот печальный факт был обусловлен двумя причинами. Во-первых, письменная культура у ассирийцев даже на исторической родине была достаточно элитарной: грамотными обязательно были священники, а среди мирян это скорее было исключением (по опросам информантов, среди их предков, родившихся в Иране и Турции, подавляющее большинство также не владело ни сирийским письмом, ни сирийским языком). Во-вторых, исчезновение и без того немногочисленного церковного сословия среди советских ассирийцев, сильный удар, нанесенный репрессиями по интеллигенции, и отсутствие до недавнего времени каких-либо контактов с зарубежными диаспорами осложнили задачу сохранения книжной культуры до чрезвычайно высокой степени. В этих условиях язык — продолжатель богатейшей письменной традиции — практически полностью утерять с ней связь и в реалиях Урмии фактически функционирует как бесписьменный.

6. Заключение

Обобщая сведения, собранные нами относительно социолингвистической ситуации в Урмии, мы можем сделать следующие выводы.

1. Ассирийцы Урмии весьма неоднородны по своей диалектной принадлежности и происхождению. В селе проживают носители следующих диалектов: урмийского (более половины), диалекта, называемого здесь шапытная (не следует путать с называемым также мар-бишу), нудызная и лёвыная. Среди носителей урмийского диалекта четко выделяются «первопоселенцы» (самая крупная группа), переселенцы из Армении и Грузии и дети последних, родившиеся в Урмии.

2. Язык плохо передается младшему поколению и находится в угрожаемом состоянии. Однако носители младшего поколения также встречаются, при этом у них отсутствует самоидентификация по диалекту. Одновременно с этим зафиксировано несколько случаев владения армянами языком ассирийцев в качестве второго.

3. Подавляющее большинство ассирийцев Урмии не владеет сирийским письмом. Таким образом, язык полностью оторван от письменной традиции и фактически функционирует как бесписьменный.

Литература

- Варганов 2001 — И. Л. Варганов. Ассирийцы в Сибири. М.: Дружба народов, 2001.
- Гиваргизов — Е. И. Гиваргизов. История села Урмия. URL: <https://web.archive.org/web/20100214104944/http://www.atanews.com/Urmia/history.htm> (дата обращения 6.12.2022).
- Лёзов 2009а — С. В. Лёзов. Арамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 414–496.
- Лёзов 2009б — С. В. Лёзов. Классический сирийский язык // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 496–531.
- Лявданский 2009 — А. К. Лявданский. Новоарамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Семитские языки. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 660–693.
- Михайлов 2021 — С. С. Михайлов. К изучению нижегородского ассирийского некрополя // В. И. Грубов, А. А. Исаков (ред.). Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников II региональной научно-практической конференции. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. С. 324–332.
- Саркисов 2016 — И. В. Саркисов. Выражение падежных значений в урмийском новоарамейском. Выпускная квалификационная работа. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2016.
- Саркисов 2017 — И. В. Саркисов. Особенности ванского новоарамейского диалекта: фонетика и морфология. Курсовая работа. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2017.
- Саркисов 2018 — И. В. Саркисов. Социолингвистическое положение северо-восточных-новоарамейских языков на территории Грузии // Антропология. Фольклористика. Социолингвистика. Конференция молодых ученых. Сборник тезисов. СПб.: Б. и., 2018. С. 79–82.

- Саркисов 2020 — И. В. Саркисов. О конфессиональной принадлежности жителей села Урмия // Антропология. Фольклористика. Социолингвистика. Конференция молодых ученых. Сборник тезисов. СПб.: Б. и., 2020. С. 77–80.
- Baum, Winkler 2003 — W. Baum, D. W. Winkler. *The church of the East. A concise history*. London: Routledge, 2003.
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmia*. Vol. 1: Grammar — Phonology and Morphology. Leiden: Brill, 2016.
- Ovsjannikova et al. 2022a — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. Non Urmia Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmia, Russia. Pt. 1: Sociolinguistic overview and phonetic features. В печати.
- Ovsjannikova et al. 2022b — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. Non Urmia Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmia, Russia. Pt. 2: Sociolinguistic overview and phonetic features. В печати.
- Talay 2008 — Sh. Talay. *Die Neuaramäischen Dialekte der Khabur-Assyrer in Nordostsyrien: Einführung, Phonologie und Morphologie*. (Semitica Viva, 40). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2008.
- Teule, Kessel 2012 — H. Teule, G. Kessel. The Mikhail Sado Collection of Syriac Manuscripts in St. Petersburg // *Eastern Christians studies*. 2012. Vol. 14. P. 43–76.

References

- Baum, Winkler 2003 — W. Baum, D. W. Winkler. *The church of the East. A concise history*. London: Routledge, 2003.
- Givargizov — V. I. Givargizov. *Istoriya sela Urmia* [The history of the village of Urmia]. Available at: <https://web.archive.org/web/20100214104944/http://www.atranews.com/Urmia/history.html> (accessed on 6.12.2022).
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmia*. Vol. 1: Grammar — Phonology and Morphology. Leiden: Brill, 2016.
- Lezov 2009a — S. V. Lezov. Arameyskie yazyki [Aramaic languages]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lezov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the world: Semitic languages]. Moscow: Academia, 2009. P. 414–496.
- Lezov 2009b — S. V. Lezov. Klassicheskiy siriiskiy yazyk [Classical Syriac]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lezov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the world: Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages]. Moscow: Academia, 2009. P. 496–531.

- Lyavdanskii 2009 — A. K. Lyavdanskii. Novoaramaiskie yazyki [Neo-Aramaic languages]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lezov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the world: Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages]. Moscow: Academia, 2009. P. 660–693.
- Mikhailov 2021 — S. S. Mikhailov. K izucheniyu nizhegorodskogo assiriyskogo nekropolya [Towards studying of Assyrian cemetery in Nizhny Novgorod]. V. I. Grubov, A. A. Isakov (eds.). *Voprosy istoricheskogo i ekologicheskogo regionovedeniya*. Sbornik uchastnikov II regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Questions of the historical and ecological regional studies. Abstracts of the II regional scientific and practical conference]. Arzamas: Arzamas Branch of State University of Nizhny Novgorod, 2021. P. 324–332.
- Ovsjannikova et al. 2022a — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. *Non Urmi Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmiya, Russia. Pt. 1: Sociolinguistic overview and phonetic features*. In print.
- Ovsjannikova et al. 2022b — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. *Non Urmi Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmiya, Russia. Pt. 2: Sociolinguistic overview and phonetic features*. In print.
- Sarkisov 2016 — I. V. Sarkisov. *Vyrazhenie padezhnykh znacheniy v urmiyskom novoaramaiskom* [Case marking in Urmi Neo-Aramaic]. Term paper. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2016.
- Sarkisov 2017 — I. V. Sarkisov. *Osobennosti vanskogo novoaramaiskogo dialekta: fonetika i morfonologiya* [Features of Vane Neoaramaic dialect: Phonetics and morphonology]. Diploma work. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2017.
- Sarkisov 2018 — I. V. Sarkisov. Sociolingvisticheskoe polozhenie severo-vostochnykh novoaramaiskiykh yazykov na territorii Gruzii [Sociolinguistic situation of Northeastern Neo-Aramaic languages in Georgia]. *Antropologia. Sociolingvistika. Folkloristika. Konferenciya molodykh uchenykh. Sbornik tezisev* [Anthropology. Sociolinguistics. Folkloristics. Conference of young scientists. Collection of the abstracts]. St. Petersburg: S. n., 2018. P. 79–82.
- Sarkisov 2020 — I. V. Sarkisov. O konfessiionalnoy prinadlezhnosti zhitel'ey Urmii [Towards confessional characteristics of population of Urmiya]. *Antropologiya. Sociolingvistika. Folkloristika. Konferenciya molodykh uchenykh. Sbornik tezisev* [Anthropology. Sociolinguistics. Folkloristics. Conference of young scientists. Collection of the abstracts]. St. Petersburg: S. n., 2020. P. 77–80.
- Talay 2008 — Sh. Talay. *Die Neuaramaischen Dialekte der Khabur-Assyrer in Nordostsyrien: Einführung, Phonologie und Morphologie*. (Semitica Viva, 40). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2008.

-
- Teule, Kessel 2012 — H. Teule, G. Kessel. The Mikhail Sado Collection of Syriac Manuscripts in St. Petersburg. *Eastern Christians studies*. 2012. Vol. 14. P. 43–76.
- Vartanov 2001 — I. L. Vartanov. *Assyriycy v Sibiri* [Assyrians in Siberia]. Moscow: Druzhba narodov, 2001.